

Александр Слепушко

ДОЛГ БЕЗ РИСКА

ЧАСТЬ 2

БЕРЛИН. ЗА СТЕНОЙ

Александр Слепушко

Долг без риска Часть 2. Берлин. За стеной

<https://litres.ru/74297829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Берлин, 1980. Стену не сломать. Но можно выиграть войну, которую никто не видит.

Майор КГБ Алексей Трофимов ищет «крота» в советской резидентуре. Его противник — Ганс Крюгер, человек, который пережил Рейх и стал главным врагом СССР в разведке. Между ними — бетон, колючая проволока и смертельная операция «Феникс», которая грозит уничтожить стратегическое преимущество Советского Союза в Европе.

Жёсткий шпионский триллер о верности, предательстве и людях, которые платят самую высокую цену за мир, которого никто не видит.

Читайте вторую часть цикла «Долг без риска».

Холодная война, Берлинская стена, любовь и смерть в разделённом городе.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Слепушко

Долг без риска Часть 2. Берлин. За стеной

Пролог

Берлин (Западный), февраль 1980 года

Стена начиналась прямо за окном его кабинета. Серая, бетонная, утыканная осколками стекла и колючей проволокой. Она делила город, как ножом, — и делила мир, в котором Ганс Крюгер жил и работал последние двадцать лет.

Он стоял у окна в своём кабинете на пятом этаже здания БНД в Целендорфе. За спиной — шкафы с папками, на стене — карта ГДР, утыканная цветными булавками. За окном — зимний закат, холодный и бледный, как лицо мертвеца. На востоке горели редкие огни — там, за стеной, начинался другой мир.

Крюгер был высок, сухощав, с сединой на висках и глазах, которые не выражали ничего, кроме усталого внимания. Он не носил формы — штатский костюм, галстук, запонки. Внешность банковского служащего, привычка говорить тихо и точно, без лишних жестов. Те, кто знал его прошлое, понимали: под этой оболочкой — сталь, закалённая в войнах, которых не было на картах.

Он смотрел на стену и думал о Москве.

Оттуда пришли плохие новости. Харрис мёртв. Лосев в тюрьме. Фогель — под следствием. Вся сеть, которую они выстраивали три года, рухнула за две недели. Крюгер не винил Харриса — тот был исполнителем, а не стратегом. Вина лежала на тех, кто не смог вовремя заметить угрозу. На тех, кто недооценил противника.

Но теперь Крюгер не ошибётся.

Он повернулся к столу, взял папку с досье. На обложке — фотография мужчины лет сорока, с усталым лицом и шрамом на скуле. Подпись: «Трофимов Алексей Петрович, майор КГБ». Крюгер изучал это досье уже неделю. Трофимов раскрыл сеть в Москве. Он вычислил Лосева, вышел на Фогеля, переиграл Харриса. Теперь, по данным агентуры, его готовят к отправке в Берлин. В Карлсхорст, в резидентуру

КГБ. Он ещё в Москве, но скоро приедет.

«Хорошо, — подумал Крюгер. — Пусть приезжает. Я давно не встречал достойного противника».

Он закрыл папку, взял со стола телефонную трубку, набрал короткий номер.

— Фальк, — сказал он, — начинайте подготовку. Операция «Феникс» — первый этап. Нам нужно ввести агента в штаб советских войск. И перекрыть все каналы, по которым Трофимов может получить информацию.

Голос в трубке был тихим, почтительным:

— Понял, герр штандартенфюрер. А что с Хофманом?

— Хофман — наш главный козырь. Он будет сидеть тихо, пока не придёт время. Трофимов не должен знать о нём.

Крюгер положил трубку. Опять подошёл к окну. На востоке, за стеной, зажглись первые уличные фонари. Где-то там, в Москве, в одном из серых кабинетов на Лубянке, майор Трофимов готовился к командировке. Он думал, что едет на обычное задание. Он не знал, что его уже ждут.

— Добро пожаловать в Берлин, майор, — прошептал Крюгер в пустоту. — Здесь ты поймёшь, что Москва была лишь разминкой.

Он усмехнулся и затушил сигарету. Стена за окном казалась бесконечной.

Глава 1. Берлин

12 февраля 1980 года, 08:15

Поезд Москва — Берлин отходил от Киевского вокзала в 8:15. Трофимов и Зоя заняли купе — два нижних места, чистое бельё, небольшой столик. За окном проплывали заснеженные пригороды, редкие деревеньки, белые поля. Москва уходила назад, таяла в утренней дымке.

Трофимов сидел у окна, глядя на убегающие пути. В кармане его пальто лежали только документы: удостоверение на имя Шмидта, командировочное предписание и немного немецких марок. Всё остальное — легенда, биография, контакты, явки — он держал в голове. Никаких записных книжек, никаких блокнотов. Так его учили много лет назад, и он

привык доверять своей памяти.

— Поспи, — сказала Зоя, укладываясь на полку. — Дорога долгая.

— Успею, — ответил он, но сам не сводил глаз с окна.

За окном началась зима, которой не было видно конца. Белые равнины, редкие леса, полустанки с заснеженными крышами. Где-то там, на западе, ждал Берлин и новая война.

13 февраля 1980 года, 04:30, граница СССР — Польша

Поезд остановился на пограничном переходе. Трофимов проснулся от резкого толчка и света, бьющего в окно. За стеклом — перрон, засыпанный снегом, солдаты в шинелях, собаки на поводках, офицеры с планшетами.

Они вышли из вагона, предъявили документы. Пограничник — молодой сержант с усталым лицом — долго рассматривал фотографию Трофимова, потом переводил взгляд на его лицо, сравнивая шрам на скуле.

— Цель поездки? — спросил он.

— Курсы повышения квалификации по внешнеэкономической деятельности. Торгпредство СССР в ГДР.

— Жена?

— Да.

Сержант поставил печать, вернул документы. Трофимов спрятал их во внутренний карман.

— Проходите.

Они вернулись в купе. Поезд тронулся, и через несколько минут за окном началась Польша — такие же поля, но с другими деревнями, другими церквями, другими указателями. Всё было чужим.

— Мы уже не в СССР, — сказала Зоя, садясь на полку.

— Да, — ответил Трофимов. — Но до Берлина ещё далеко.

13 февраля 1980 года, 15:30, граница Польша — ГДР

Вторая проверка — быстрее. Солдаты Национальной народной армии, короткие вопросы. Офицер с аккуратной бородкой проверил их документы, поставил печать и козырнул.

— Вилликомен ин дер ДДР, — сказал он с лёгкой улыбкой.

Трофимов кивнул, убрал документы. За окном началась ГДР — такие же поля, такие же деревни, но другие флаги, другие вывески. Всё было похожим и одновременно чужим.

Он смотрел на проплывающие пейзажи и думал о том, что скоро они увидят Берлин. Город, который они знали по картам и докладам, но никогда не видели живьём.

14 февраля 1980 года, 08:45

Поезд вползал на перрон Восточного вокзала — медленно, тяжело, как старый зверь, уставший от долгой дороги. За окном проплывали серые платформы, пассажиры в тяжёлых пальто, солдаты ГДР с автоматами на плече. Небо было низ-

ким, свинцовым, и снег падал не торопясь — мелкими сухими хлопьями, которые тут же сдувал ветер с запада.

Трофимов стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу. Две ночи в пути давали о себе знать — глаза слипались, но он держался. Внутренний карман кителя хранил удостоверение на имя Шмидта и командировочное предписание. Всё остальное — в голове.

Зоя сидела напротив, поправляя шарф. Она выглядела уставшей, но держалась прямо — профессиональная привычка не показывать слабости.

— Приехали, — сказал Трофимов, не оборачиваясь.

— Вижу, — ответила Зоя, глядя на стену, которая тянулась вдоль путей. — Какая она... серая.

— Она для того и серая, — усмехнулся он. — Чтобы не отвлекала.

Поезд остановился. Трофимов взял чемодан, помог Зое спуститься. В лицо ударил холодный, влажный ветер, смешанный с запахом угля, мазута и сырости. Он застегнул пальто, надвинул шапку.

На перроне, среди встречающих, он заметил высокого мужчину лет сорока в сером пальто и кожаной кепке. Тот стоял чуть в стороне, не глядя на прибывающих, но его руки были сложены так, как будто он ждал не поезд, а сигнал. Прямой нос, глубоко посаженные глаза, седина на висках. Капитан Родин.

Трофимов подошёл, остановился рядом.

— Вы Шмидт? — спросил Родин по-русски, не поворачивая головы.

— Да.

— Я вас провожу. — Родин взял чемодан Трофимова без лишних слов. — Машина на стоянке. Идём.

Они прошли через зал ожидания — просторный, с высокими. Везде были глаза — Трофимов чувствовал их на себе. В Берлине следили все: Штази, БНД, свои, чужие.

У выхода, у газетного киоска, он заметил троих мужчин, которые слишком долго задерживали взгляд на них. Один из них держал газету вверх ногами.

— Хвост? — тихо спросил Трофимов.

— Угу, — так же тихо ответил Родин. — У нас тут всегда кто-то пасёт. Не обращайтесь внимания.

Они вышли на стоянку. У крыльца стояла «Волга» — серая, с госномером ГДР, чуть потрёпанная, но чистая. Родин открыл багажник, загрузил чемодан. Зоя села на заднее сиденье, Трофимов — вперёд, рядом с водителем.

— Ваша легенда — Шмидт, — начал Родин, заводя мотор. — Приехали на курсы по внешнеэкономической деятельности в торгпредстве. Квартира уже готова. Сегодня — обустройство. Завтра — встреча с руководством.

— Когда мы сможем выйти на Шульца? — спросил Трофимов, не отрывая взгляда от дороги.

— Завтра утром я привезу вас к нему. — Родин глянул на него. — Но сразу предупреждаю: ваш приезд не прошёл незамеченным. Крюгер уже знает, что вы здесь.

— Хорошо.

Машина выехала на широкий проспект. Город был серым, однотипным — голые тополя, редкие «Трабанты» на мокром асфальте. На перекрёстке — пост Штази, два человека в ко-

жанных плащах с автоматами. Родин кивнул одному из них — свои.

— Карлсхорст — бывшая казарма вермахта, — продолжал Родин. — Теперь резидентура. Но вы там жить не будете — только работать. Ваша квартира в центре, на Шёнхаузер-аллее.

— А что за квартира? — спросила Зоя.

— Обычная, для сотрудников торгпредства. Соседи — немцы, не подозревают. Вы — семья Шмидтов. Всё продумано до мелочей: документы, книги, фотографии. Даже биография у вас прописана до 1965 года.

Трофимов молчал, глядя в окно. Город казался серым, выцветшим, как старая фотография. Всё здесь было на своих местах — порядок, контроль, тишина. Но он знал, что за этой тишиной прячется напряжение, которое можно было резать ножом.

Квартира, Восточный Берлин, 10:30

Квартира находилась на третьем этаже старого дома. Две комнаты, кухня, ванная — скромно, но чисто. Мебель простая, но удобная: старый диван, книжный шкаф, стол, покрытый клеёнкой. На подоконнике — герань в горшке. В углу — радио «Штерн».

— Здесь вам предстоит жить. — Родин положил на стол ключи и паспорта. — Документы — чистые. Вы — семья Шмидтов. Запомните легенду до мельчайших деталей. Соседи любопытные, но если вы будете вести себя естественно, вопросов не возникнет.

Трофимов прошёл по комнатам. Всё было продумано: книги на полках — немецкая классика и советские издания, продукты в холодильнике — колбаса, сыр, хлеб, банка с огурцами. Даже фотография на стене — они с Зоей, сделанная в Москве, но вписанная в берлинский интерьер.

— Хорошо, — сказал он. — Когда мы начинаем?

— Завтра в 9:00 я заеду за вами. Пока — отдыхайте. — Родин посмотрел на часы. — И запомните: в резидентуре не говорите лишнего. Крот может быть везде.

Он вышел. Трофимов подошёл к окну, выглянул на улицу — двор-колодец, редкие прохожие, «Трабант» у подъезда.

Обычная жизнь. Идеальное прикрытие.

— Мы в Берлине, — сказала Зоя, садясь на диван.

— Да. — Трофимов повернулся к ней. — Теперь — работа.

Вечер 14 февраля, квартира, 19:00

За окном темнело. Уличные фонари зажглись, бросая жёлтые блики на мокрый снег. Трофимов стоял у окна, глядя на двор — дети играли в снежки, женщины с сумками возвращались с работы. Обычная жизнь, которая не знала о войне, которую он вёл.

— Я не могу привыкнуть, — сказал он, не оборачиваясь. — Что мы здесь — не гости, а солдаты. И что враг ждёт нас за каждым углом.

— Привыкнешь, — ответила Зоя, подходя к нему. — Мы уже привыкали в Москве. Здесь не сложнее.

— Здесь сложнее, — возразил он. — Там мы были дома. Здесь — в гостях.

Она взяла его за руку, сжала.

— Но мы вместе.

Трофимов повернулся к ней, посмотрел в глаза.

— Да, — сказал он. — Мы вместе.

*15 февраля 1980 года, 09:00, резидентура КГБ в
Карлсхорсте*

Родин встретил их у подъезда, провёл в здание. Внутри пахло табаком — как в Москве, но с примесью чужой земли. Коридоры были длинными, по стенам висели портреты классиков марксизма и старые фотографии офицеров.

Полковник Щербаков сидел за столом, заваленным бумагами, и курил «Беломор» — точно такой же, как у Громова. Он был невысоким, коренастым, с густыми бровями и внимательными серыми глазами.

— Садитесь, — сказал он без лишних церемоний. — Громов мне всё рассказал. Знаю, зачем вы здесь.

— Мы готовы, товарищ полковник, — сказал Трофимов.

— Готовы? — Щербаков усмехнулся. — К Крюгеру никто не готов. У него — личная ненависть к нам. Отец погиб в сорок пятом, во время штурма Берлина. Он воюет с нами с тех пор, не жалея сил.

— У нас есть информация о его планах? — спросила Зоя.

— Есть. Перебежчик из БНД — Хельмут Шульц. Он утверждает, что в нашей резидентуре есть «крот». И что Крюгер знает о каждом нашем шаге.

— Где он?

— В безопасном месте. Завтра Родин привезёт вас к нему. — Щербаков затаился. — Шульц пока не называет имён. Говорит, боится. Просит гарантий. Я поручаю вам выйти на него и убедить говорить.

— Есть, товарищ полковник.

— И ещё. — Щербаков погасил окурок. — Будьте осторожны. Крюгер уже знает, что вы здесь. И он знает о Шульце. Не дайте ему убить Шульца раньше, чем вы успеете с ним

встретиться.

Берлин, Западный, кабинет Крюгера, 17:00

Крюгер сидел за столом, перечитывая досье Трофимова. На столе лежала фотография, сделанная на вокзале, — Трофимов и Зоя выходят из вагона.

— Они приехали, — сказал он в трубку.

— Что делаем? — спросил голос.

— Ничего. Пока. — Крюгер усмехнулся. — Пусть привыкают. Пусть думают, что они в безопасности. А потом мы нанесём удар. — Он помолчал. — Шульца нужно ликвидировать. Через сорок восемь часов. Организуйте несчастный случай. Но не спешите. Сначала дайте ему встретиться с Трофимовым.

Крюгер положил трубку. Он подошёл к окну и посмотрел на восток. За стеной, в Карлсхорсте, майор Трофимов только что получил своё первое задание. Он думал, что охота начинается. Но он ошибался.

Глава 2

16 февраля 1980 года, 07:30, Восточный Берлин, квартира Шмидтов

Берлинское утро было сырым и серым. За окном вместо московского сухого мороза — мокрый снег, который падал на асфальт и тут же таял, превращая улицы в чёрную кашу. Температура была около нуля, но ветер с запада задувал с такой пронизывающей настойчивостью, что холод пробирал до костей сильнее, чем в Москве при минус пятнадцати.

Трофимов стоял у окна кухни, глядя на двор-колодец. С крыш капало, по водосточным трубам бежала вода. В Москве в это время года снег лежал сугробами, а здесь — слякоть, грязь и серость. Он поморщился — этот город не любил улыбаться, даже погода здесь была под стать его характеру.

Зоя уже была одета: тёмный деловой костюм, строгая блузка, очки — не по необходимости, а для образа. Она стояла у зеркала в прихожей, поправляя волосы.

— Ты готов? — спросила она.

— Готов, — ответил он, поворачиваясь к ней. — Мы — Шмидты, приехали в Берлин на полгода по линии торгпредства. Я — экономист, ты — экономист-переводчик. Опытные, серьёзные и мы знаем своё дело.

Он надел пиджак, проверил карманы: удостоверение на имя Шмидта, пропуск в торгпредство, немного марок. Ничего лишнего.

Они вышли из квартиры. На лестничной площадке пахло сыростью. Трофимов заметил, как соседка, полная фрау с седыми волосами, на мгновение задержала на них взгляд, но тут же отвернулась.

— Пусть привыкают, — тихо сказала Зоя.

— Пусть.

Торгпредство СССР в ГДР, 09:00

Здание торгпредства стояло на широкой улице, обсаженной голыми мокрыми липами. Оно было массивным, из се-

рого камня, с гербом Советского Союза над входом. Внутри пахло бумагой и — что удивительно — чуть уловимым запахом кофе, которого в Москве в казённых учреждениях не водилось.

Трофимов предъявил документы вахтёру — пожилому человеку в форме, с нашивками за выслугу лет. Тот долго рассматривал фотографию, потом переводил взгляд на лицо Трофимова, сверяя шрам на скуле.

— Проходите, товарищ Шмидт, — сказал он наконец. — Вас ждут в отделе машиностроения, кабинет 302.

На третьем этаже их встретил высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, с жидкими светлыми волосами и внимательными серыми глазами. Он был в сером костюме, при галстуке — выглядел как типичный советский чиновник, но Трофимов заметил на его столе несколько книг по экономике на немецком языке.

— Анатолий Иванович Сорокин, — представился он, пожимая руку. — Заместитель начальника отдела по машиностроению. Мне сказали, что вы из Москвы, на полгода.

— Так точно, — ответил Трофимов. — Алексей Петрович Шмидт, экономист. Это моя коллега, Елена Алексеевна

Шмидт, экономист-переводчик.

— Отлично. — Сорокин провёл их в кабинет. — Вот ваши места. Работа предстоит серьёзная: контракты с западногерманскими фирмами, поставки оборудования, переговоры. Немецкий у вас есть?

— Есть, — ответила Зоя.

— Хорошо. Поможете с документацией. А вас, Алексей Петрович, ждёт более ответственное дело. — Сорокин помедлил, потом достал из сейфа тонкую папку. — Специалист по энергосистемам, инженер Петров, Пётр Иванович. Уже полгода работает с нами по обмену опытом. В последнее время его поведение вызывает вопросы.

— Какие?

— Он часто ездит в Западный Берлин. По субботам и воскресеньям. На своей машине, без согласования с руководством. Официально — в гости к родственникам, но у него нет родственников на Западе. — Сорокин положил на стол фотографию. — Его сосед видел, как к дому Петрова несколько раз подъезжал «Мерседес» с дипломатическими номерами ФРГ.

Трофимов взял фотографию. На ней — мужчина лет пятидесяти, лысеющий, с усталыми глазами и большой родинкой на левой щеке. Обычный советский инженер, каких тысячи.

— Почему вы не доложили в резидентуру?

— Я докладываю вам. — Сорокин поправил очки. — Вы — специалисты из Москвы. Разберитесь. Без шума.

— Понял. — Трофимов спрятал папку в ящик стола. — Мы начнём завтра.

Полдень, столовая

Столовая в торгпредстве была такой же, как и в Москве — длинные столы, железные подносы, запах капустного супа и котлет. Но здесь, в отличие от Москвы, на столах стояли тарелки с немецким хлебом.

Они сели за свободный столик у окна. За стеклом моросил мелкий дождь, смешанный со снегом. Люди на улице шли с зонтами — в Берлине даже в феврале без зонта было нельзя.

К ним подсел молодой рыжеватый мужчина в свитере с высоким воротником.

— Костин, инженер-технолог, — представился он, накладывая себе картошку. — Вы новенькие? Я вас не видел раньше.

— Мы из Москвы, на полгода, — ответил Трофимов. — Экономический отдел.

— А-а, понял. — Костин улыбнулся. — У нас тут контингент пестрый. Есть свои, есть западники, есть...

— Кто? — спросила Зоя.

— Всекие. — Костин понизил голос. — Слышали про Петрова, инженера?

— Немного.

— Он странный парень. Раньше был нормальный, а теперь всё время в Западный Берлин мотается. В прошлую субботу я его видел в «Трабанте» — ехал в сторону Чекпойнт-Чарли. Сам не свой. Как будто его кто-то ждал.

Трофимов переглянулся с Зоей.

— Спасибо, Костин, — сказал он. — Мы запомним.

— Не за что. — Костин подмигнул и ушёл, оставив свою картошку недоеденной.

Вечер, 17:30, квартира Шмидтов

Трофимов сидел за кухонным столом, снова перечитывая досье Петрова. За окном лил дождь, смешанный со снегом, и капли стучали по стеклу. На улице зажигались фонари — жёлтые, тусклые, отражающиеся в мокром асфальте.

— Он что-то скрывает, — сказал Трофимов, откладывая папку. — Поездки в Западный Берлин, нервное поведение. Кто-то его использует.

— Или он сам работает на БНД, — предположила Зоя, наливая чай.

— Слишком очевидно. — Трофимов взял чашку. — Если бы он был агентом, он бы вёл себя тише. Сосед, который всё видел, «Мерседес» с дипномерами — это похоже на ловуш-

ку. Кто-то хочет, чтобы мы отвлеклись на Петрова.

— А настоящий крот?

— Настоящий крот сидит тихо. И ждёт, пока мы побежим за ложным следом. — Трофимов отпил чай. — Но мы не побежим. Мы проверим Петрова, но сделаем это так, чтобы никто не понял, что он нас интересует.

— Что предлагаешь?

— Завтра я пойду к нему домой. «По работе». Поговорю по душам. А ты проверишь его соседей — может, кто-то видел больше, чем Костин.

Зоя кивнула.

— А что с Шульцем?

— Завтра утром Родин отвезёт нас к нему. Если он действительно знает о кроте, это важнее Петрова.

За окном дождь усилился. Берлин укрывался в сырой темноте, готовясь к новой ночи.

Той же ночью, 23:00, Западный Берлин, кабинет Фалька

Дитер Фальк смотрел на план Восточного Берлина, разложенный на столе. Красные булавки отмечали объекты — торгпредство, резидентуру, несколько жилых домов. Одна из булавок торчала прямо на Шёнхаузер-аллее, где жили Трофимов и Зоя.

Телефон зазвонил ровно в 23:00.

— Фальк, — сказал он.

— Трофимов в торгпредстве, — доложил голос. — Он уже получил досье на Петрова. Начинает копать.

— Хорошо. Это отведёт его на несколько дней. — Фальк провёл пальцем по карте. — А что с Шульцем?

— Они встретятся завтра утром. Мы готовы.

— Не трогайте Шульца до встречи. Пусть передаст информацию. Нам нужно знать, что он скажет. А потом — убийте его.

— Понял.

Фальк положил трубку. Он подошёл к окну — за стеклом лил дождь, смешанный со снегом. За стеной горели огни Восточного Берлина. Там, в Карлсхорсте, майор Трофимов начинал свою игру.

«Играй, майор, — подумал Фальк. — Ты идёшь по следу, который мы для тебя оставили».

Глава 3

17 февраля 1980 года, 06:30, Восточный Берлин, квартира Шмидтов

Берлин просыпался рано. За окном ещё было темно, только редкие фонари бросали жёлтые блики на мокрый асфальт. Дождь прекратился, но сырость висела в воздухе, проникая в каждую щель. Трофимов стоял у окна, держа в руках чашку с чёрным кофе. Он почти не спал — привычка просыпаться за час до подъёма, чтобы прокрутить в голове предстоящий день.

Зоя уже была готова: строгий костюм, минимум косметики, очки. Она стояла в прихожей, проверяя содержимое су-

мочки — документы, ключи, маленький диктофон, который они привезли с собой.

— Родин будет внизу в 7:00, — сказала она. — Мы едем к Шульцу.

— Знаю. — Трофимов допил кофе, поставил чашку в раковину. — Если он действительно знает о кроте, это может стать поворотным моментом. Но я не верю, что всё будет так просто.

— Почему?

— Потому что Крюгер — не дурак. Если Шульц перебежал к нам, он должен был понимать, что его будут искать. Возможно, он просто хочет проверить нас.

Он надел пальто, взял ключи. Они вышли из квартиры, спустились по лестнице. У подъезда их ждала «Волга» — серая, с работающим двигателем. Родин сидел за рулём, курил, глядя на улицу.

— Садитесь, — сказал он, когда они устроились на заднем сиденье. — Едем в Потсдам. Там безопасный дом. Шульц уже ждёт.

— Он знает, что мы приедем? — спросил Трофимов.

— Знает. Он сам попросил встретиться с вами. Сказал, что доверяет только московским.

Машина выехала на Шёнхаузер-аллее, затем свернула на трассу в сторону Потсдама. Город за окном был серым, сонным, только редкие «Трабанты» и грузовики нарушали тишину. Небо постепенно светлело, но солнца не было — только белая пелена облаков, которая обещала очередной дождь.

Трофимов молчал, глядя на дорогу. Он думал о Шульце. Перебежчик из БНД — всегда риск. Он мог быть двойным агентом, мог быть подставой, мог просто выживать. Но если он говорил правду о кроте, это был шанс.

Потсдам, безопасный дом, 07:45

Дом стоял на окраине города, среди старых сосен, покрытых мокрым снегом. Одноэтажный, с черепичной крышей и облупившейся штукатуркой. Окна были зашторены, из трубы валил дым — в доме топили печь. Родин остановил машину у калитки, заглушил мотор.

— Подождите здесь, — сказал он. — Я проверю.

Он вышел, прошёл к дому, постучал в дверь условным стуком. Через минуту дверь приоткрылась, и он исчез внутри. Трофимов и Зоя остались в машине.

— Что думаешь? — спросила она.

— Если он действительно хочет сдать, он будет говорить прямо. Если нет — мы поймём это по глазам.

Родин вернулся, кивнул.

— Всё чисто. Проходите.

Они вошли в дом. Внутри было темно, пахло дымом и старым деревом. В гостиной горел камин, и в кресле у огня сидел мужчина лет сорока, худощавый, с бледным лицом, редкой бородкой и нервными глазами. На нём была простая рубашка, джинсы, он курил, и пальцы его дрожали. Хельмут Шульц.

Он поднялся, когда они вошли, и смотрел на них с напряжённым вниманием.

— Вы — Трофимов? — спросил он по-русски, с сильным

акцентом.

— Да. Это моя коллега, Белецкая.

Шульц кивнул, снова сел в кресло. Трофимов и Зоя расположились на диване напротив. Родин остался стоять у двери, держа руку в кармане.

— Я хочу, чтобы вы знали, — начал Шульц, затягиваясь, — я не предатель. Я работал на БНД десять лет, но когда они убили моего брата, я понял, что дальше так не может продолжаться. Они убили его за то, что он хотел уйти. Я не хочу такой смерти.

— Вы сказали, что в резидентуре есть крот, — сказал Трофимов. — Кто он?

Шульц помедлил.

— Я не знаю его имени. — Он откашлялся. — Но я знаю, что он существует. Я видел отчёты. Крюгер получал информацию из Карлсхорста уже несколько лет. Кто-то из ваших работает на него.

— Где вы это видели?

— В кабинете Фалька. — Шульц достал из кармана сложенный листок, протянул Трофимову. — Я скопировал это. Это список передач, которые Крюгер делал в последние три месяца. Каждая помечена как «О.К.» — «Особо важно». И каждая содержит информацию, которая может быть только из резидентуры.

Трофимов взял листок, развернул. Это был список дат и кратких пометок: «Планы передислокации войск», «Изменения в структуре Штази», «Контакт с агентом в Минобороны». Внизу стояла подпись: «Крюгер».

— Это может быть фальшивкой, — сказал он.

— Может, — согласился Шульц. — Но я не фальшивка. Я хочу жить. И я готов давать показания, если вы гарантируете мне безопасность и вывоз в СССР.

— Мы не даём гарантий, — сказала Зоя. — Но мы можем обеспечить защиту, если ваша информация окажется правдивой.

Шульц снова закурил.

— Я знаю, что есть ещё один человек. — Он понизил го-

лос. — В Штази. Он работает на Крюгера. Я не знаю его имени, но он занимается документацией. Крюгер использует его для проверки перебежчиков.

— Откуда вы это знаете?

— Мне сказал Фальк. Он был пьян и проговорился. — Шульц усмехнулся. — Он сказал, что «в Штази есть свой человек, который смотрит, кто к нам идёт». И что если я попытаюсь бежать, меня найдут.

Трофимов переглянулся с Зоей. Это было новое звено.

— Мы проверим вашу информацию, — сказал он. — А пока вы остаётесь здесь. Родин будет с вами на связи.

Он встал, подал руку Шульцу. Тот пожал её с явным облегчением.

— Спасибо, — сказал Шульц. — Я знал, что вы не подведёте.

Машина по дороге в Берлин, 09:30

Трофимов сидел на заднем сиденье, держа в руках список. Зоя смотрела на него.

— Что думаешь? — спросила она.

— Если список настоящий, то крот работает уже несколько лет. Это не случайный агент. Это кто-то из старожилов.

— Кто может иметь доступ к такой информации?

— Начальник отдела кадров. Заместитель резидента. Или сам Щербаков. — Трофимов усмехнулся. — Но начинать надо с малого. Проверим каждую дату в списке. Узнаем, кто из сотрудников резидентуры мог быть на работе в эти дни.

— Это займёт время.

— Время у нас есть. — Трофимов спрятал листок во внутренний карман. — Крюгер уже знает о нас. Он будет ждать нашей ошибки. Но мы не должны ошибиться.

Они въехали в город. На перекрёстке, у поста Штази, Трофимов заметил, как один из офицеров смотрит им вслед. Он не придавал этому значения — в Берлине за всеми следили.

Восточный Берлин, улица Петрова, 10:15

Петров жил в старом доме на окраине. Трофимов поднялся на второй этаж, постучал в дверь. За ней послышались шаги, затем голос — сонный, настороженный.

— Кто там?

— Петр Иванович? — сказал Трофимов по-русски. — Я из торгпредства, Шмидт. Нам нужно поговорить.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, лысеющий, в очках, с большой родинкой на левой щеке. Он был в старой рубашке, небритый, с испуганными глазами.

— Я... я не ждал гостей, — сказал он.

— Мне нужно пару минут. Насчёт ваших поездок в Западный Берлин.

Петров побледнел, но отступил, пропуская Трофимова.

— Проходите, — сказал он. — Только быстрее.

Квартира была стандартной: две комнаты, кухня, захлам-

лённая книгами и бумагами. На столе стояла чашка остывшего чая, рядом — пепельница, полная окурков. Трофимов заметил фотографию женщины и девочки на комод.

— Ваша семья? — спросил Трофимов, кивнув на фотографию на комод — женщина и девочка.

— Жена и дочь. Они в Москве, — ответил Петров. — Я здесь один. Уже полгода.

— Тогда зачем вы ездите в Западный Берлин? По субботам, без согласования с руководством? Соседи говорят, что к вам приезжал «Мерседес» с дипломатическими номерами ФРГ.

Петров побледнел. Он закурил, руки дрожали. Некоторое время он молчал, потом выдохнул:

— Я не предатель, товарищ майор. Я просто выполнял задание. Мне сказали, что это проверка.

— Какая проверка?

— Из резидентуры. — Петров оглянулся, будто боялся, что кто-то может подслушивать. — Мой начальник, он сказал, что мне нужно встречаться с человеком в Западном Бер-

лине, передавать ему пустые конверты. Я думал, что это проверка на лояльность. Смотрят, не перебегу ли я. Я не знал, что там внутри.

— Кто ваш начальник?

Петров назвал фамилию. Трофимов узнал её — это был один из сотрудников торгпредства, который курировал работу с технической документацией.

— Вы знали, что в конвертах было?

— Один раз я заглянул. — Петров затушил окурок. — Там был микрофильм. Я испугался, но ничего не сказал. Думал, что это часть задания. Я не хотел подводить товарищей.

Трофимов подошёл к окну. Двор был пуст, только редкие прохожие. Он повернулся к Петрову:

— Вы понимаете, что вас использовали? Вы передавали секретные материалы немцам.

Петров побледнел ещё сильнее.

— Я не знал... Я думал, это проверка...

— Кто давал вам конверты?

— Мой начальник. Он всегда говорил, что это «контрольная закупка» для отдела. Я не задавал вопросов.

Трофимов кивнул. Теперь картина была ясна: Петров — не агент, а пешка. Настоящий крот — его начальник. Или кто-то выше, кто использовал Петрова как курьера.

— Вы никому не рассказывали об этом?

— Нет. Я боялся.

— Хорошо. — Трофимов протянул ему визитку с номером телефона. — Если кто-то снова даст вам конверт или придет на «Мерседесе» — сразу звоните мне. Никуда не ездите без моего ведома. Поняли?

— Понял, товарищ майор.

Трофимов вышел. На лестнице он закурил. Теперь он знал, что настоящий крот — в резидентуре или в торгпредстве. Петров был лишь слепым орудием. Начинать надо было с его начальника.

16 февраля, 11:30, Восточный Берлин, Бранденбургские ворота

После разговора с Петровым Трофимов не сразу поехал в резидентуру. Он попросил Родина высадить его у площади Паризер-плац — там, где Бранденбургские ворота смотрели на запад, но смотрели сквозь стену.

— Подожди здесь, — сказал он Родину. — Десять минут.

Он вышел из машины и пошёл пешком. Ветер дул с запада, сухой и колючий, неся запах выхлопных газов и сырого бетона. За воротами, всего в нескольких десятках метров, начинался Западный Берлин — яркий, шумный, с неоновыми вывесками, которые днём казались бледными, но всё равно кричали о другой жизни. А здесь, на восточной стороне, всё было серым, приглушённым, как будто сам воздух боялся нарушить порядок.

Трофимов остановился у самого края проезжей части. Перед ним возвышались ворота — массивные, с колоннами, увенчанные квадригой, которая когда-то смотрела на победоносные армии. Теперь богиня победы смотрела в пустоту, на стену, перегородившую её путь.

Он стоял и смотрел на эти камни. Не на стену — на ворота. На то, что они видели.

И вдруг, будто сквозь пелену времени, он увидел другое. Не серый февральский день, а майское солнце, ослепительное и жаркое. Гул моторов, грохот гусениц, крики «ура!», которые гремели над площадью, не зная усталости. Колонны советских солдат в пропылённых гимнастёрках, с победными знамёнами, которые колыхались на ветру. И среди них — Жуков, его взгляд устремлён вперёд, туда, где догорал рейхстаг. Рядом — Рокоссовский, сдержанный и строгий, в идеально выглаженном кителе, его лицо скрывало усталость за маской спокойствия. А чуть в стороне — Монтгомери, британский джентльмен с острыми чертами лица, в берете.

Они стояли здесь, на этом самом месте, в мае сорок пятого. Победители. Разные — по форме, по языку, по идеологии — но объединённые одной целью. Они смотрели на поверженный Берлин, и в их глазах была не только гордость, но и что-то другое — предчувствие, что мир, который они завоевали, ещё не будет мирным.

Трофимов моргнул. Видение исчезло. Вместо него — снова серая стена, колючая проволока, пустая площадь. Ни одного человека за воротами — только наблюдательные вышки, автоматчики, собаки. Западная сторона была пуста, как

будто Берлин сам отвернулся от своей истории.

«Они победили тогда, — подумал Трофимов. — Они стояли здесь, поднимали знамёна, салютовали. Думали, что война закончилась. А она только началась. Просто другая. Без фронтов и армий. С одними разведчиками, кротоми и двойными играми».

Он посмотрел на квадригу. Богиня победы, запряжённая четвёркой коней, смотрела на запад. Туда, где теперь правили другие боги. Но она всё равно стояла здесь, на восточной стороне. Как будто ждала.

— Мы вернёмся, — прошептал Трофимов, обращаясь не к Зое, не к Родину — к тем призракам, которые стояли здесь сорок лет назад. — Не знаю, когда. Но вернёмся.

Он ещё раз взглянул на ворота, на стену, на пустую площадь. Потом повернулся и пошёл к машине. Родин ждал его, не задавая вопросов. Трофимов сел на заднее сиденье, захлопнул дверцу.

— В резидентуру? — спросил Родин.

— Да. — Трофимов посмотрел в зеркало заднего вида. — У нас есть работа.

Машина тронулась. За окном остались ворота, стена, и призраки победы, которые когда-то стояли здесь, на этом самом месте.

Вечер, 17 февраля, квартира Шмидтов

Трофимов сидел за столом, разбирая бумаги. Он уже перечитал список Шульца трижды, но мысли всё возвращались к Бранденбургским воротам. К Жукову, к Рокоссовскому, к Монтгомери. К тому, как они стояли на этом самом месте, думая, что война окончена. А она не окончилась. Она просто перешла в другую форму.

— Ты задумался, — сказала Зоя, ставя перед ним чашку чая. — О чём?

— О том, что мы воюем за то же, за что они воевали тогда, — ответил он, не поднимая глаз. — За право жить. За право не быть игрушкой в чужих руках. Только теперь оружие другое. Не танки и самолёты, а информация. И люди, которые считают, что имеют право решать чужие судьбы.

Он взял чашку, сделал глоток. Чай был горячим, с лимо-

ном — как в Москве. Но вкус был другим. Берлинским.

— Мы не сдадимся, — сказала Зоя. — Мы не сдадимся, Алексей.

— Знаю. — Он посмотрел на неё, и в глазах его была та же сталь, что и у призраков сорок пятого. — Знаю. Мы просто сделаем свою работу.

За окном зажигались фонари. Восточный Берлин готовился к ночи. Но за стеной, на западе, уже горели огни другого города. Там, в кабинете Фалька, кто-то готовил свой следующий ход.

Трофимов встал, подошёл к окну, посмотрел на темнеющее небо. Где-то там, за облаками, скрывалась луна. Он представил, что сейчас, возможно, тот же самый свет падает на Бранденбургские ворота. На стену. На квадригу, которая продолжала смотреть на запад.

«Мы вернёмся», — сказал он мысленно. И вернулся к работе.

Той же ночью, 23:00, Западный Берлин, кабинет Фалька

Фальк смотрел на планшет с картой, отмечая передвиже-

ния Трофимова. Перед ним лежал свежий отчёт: Трофимов был у Шульца, затем у Петрова.

— Он копает, — сказал голос в трубке. — Идёт по следу Петрова.

— Отлично, — ответил Фальк. — Пусть копает. А мы тем временем готовим операцию «Феникс». Крюгер хочет, чтобы всё было готово через неделю.

— А что с Шульцем?

— Шульц — не проблема. Он уже сделал своё дело. — Фальк положил трубку. Он подошёл к карте, тронул булавку на Шёнхаузер-аллее. — Играй, майор, — прошептал он. — Ты идёшь по ложному следу.

Глава 4

18 февраля 1980 года, 08:00, Восточный Берлин, квартира Шмидтов

Берлинское утро снова встретило их сыростью и серостью. За ночь дождь сменился мокрым снегом, который теперь

падал на асфальт и тут же таял, превращая улицы в чёрное месиво. Трофимов стоял у окна, глядя на двор-колодец, где дворник методично разгребал кашу из снега и песка. В Москве в это время года снег лежал сугробами — здесь же была вечная слякоть, которая проникала под одежду и оседала на душе.

Он думал о вчерашнем дне. Шульц дал список, Петров раскрыл имя своего начальника — Сорокина. Трофимов не спал почти всю ночь, прокручивая в голове возможные варианты. Если Сорокин был кротом, то он действовал в торгпредстве, прикрываясь служебным положением. Но был и другой вариант: Сорокин сам был пешкой, а настоящий крот сидел выше, в резидентуре.

На столе его ждал завтрак — чёрный кофе, бутерброды с колбасой. Зоя уже была готова. Она стояла в прихожей, проверяя содержимое сумочки.

— Родин будет внизу в 8:30, — сказала она. — Мы едем в резидентуру. Щербаков дал добро на проверку сотрудников.

— Знаю. — Трофимов допил кофе. — Сегодня мы начинаем фильтрацию. Кто из сотрудников имел доступ к информации, которая ушла к Крюгеру. И кто мог работать на него все эти годы.

— Ты думаешь, это кто-то из старожилов?

— Два года минимум. Иначе у него не было бы доступа.

— Трофимов надел пальто. — Начнём с отдела кадров. Там должны быть списки всех, кто работал с секретными документами.

Они вышли из квартиры. У подъезда их ждала «Волга» — серая, с работающим двигателем. Родин сидел за рулём, курил. Он выглядел уставшим — под глазами залегли синие тени, но держался прямо.

— Садитесь, — сказал он. — Едем в Карлсхорст. Щербаков уже ждёт.

Резидентура КГБ в Карлсхорсте, 09:00

Родин провёл их в кабинет полковника Щербакова. Тот сидел за столом, заваленным бумагами, и курил «Беломор».

— Садитесь, — сказал он без лишних церемоний. — Родин мне всё рассказал. Шульц дал список, Петров назвал Со-рокина. — Он затянулся. — Что вы предлагаете?

— Проверить сотрудников резидентуры и торгпредства,
— ответил Трофимов. — Узнать, кто из них имел доступ к информации, которая ушла к Крюгеру. И кто мог быть на работе в дни, указанные в списке Шульца.

— Это займёт недели, — сказал Щербаков.

— Мы начнём с малого. — Трофимов вытащил из кармана список Шульца. — Вот даты. Проверим по графикам дежурств и допускам к секретным материалам. Если повезёт, список сузится до нескольких человек.

Щербаков помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Родин даст вам доступ к архивам отдела кадров. Но работайте тихо. Если настоящий крот узнает, что мы его ищем, он заметёт следы или убьёт свидетелей.

— Мы поняли, товарищ полковник.

Отдел кадров резидентуры, 10:00

Отдел кадров находился на первом этаже, в конце длинно-

го коридора. За столом сидел пожилой майор с седыми усами и внимательными глазами. Он поднялся, когда они вошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.